

© 2009 г. Ю.А. Бирюкова

## СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В 1920-1930-Е ГОДЫ:

### ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ НА МЕСТАХ

#### (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Рассматриваются отношения государственных органов Донской области и Северо-Кавказского края, проводящих политику советской власти в отношении церкви, церковных общин и религиозного населения в 1920-1930-х гг. Автор обозначает ситуацию, стремится проследить динамику, сложившуюся в сфере данного взаимодействия в контексте социально-политических особенностей региона. Определяются методы воздействия власти на религиозность населения. Большинство источников, использованных в работе, вводится в научный оборот впервые.*

*Ключевые слова: советское государство, законодательство, православная церковь, отделение церкви от государства, антирелигиозная пропаганда, религиозность населения, «тихоновцы», расколы, обновленчество, григорианство.*

#### Обзор источников исследования

Несмотря на активизацию в последнее десятилетие исследований религиозной политики советской власти, а главным образом ее отношений с православной церковью, эта тема остается не изученной. Традиционно она рассматривалась на уровне высшей церковной иерархии и центральных органов власти. Изучению ситуации на местах, жизни приходов в условиях советской политики и происходивших социально-политических изменений, а также конкретных форм, которые принимала эта политика на местах, внимания уделялось меньше. Между тем исследования на местном уровне помогают увидеть, как глобальное реализуется в индивидуальном, общие процессы отражаются в конкретной точке исторического бытия. Подобные исследования позволяют значительно расширить представления о событиях советского периода, происходящих на всем пространстве страны, во всех регионах, формируя понимание того, как декреты, законы, инструкции и негласные распоряжения преломлялись на местах и отражались в жизни рядовых приходов, духовенства и верующих. Совсем недавно начался процесс освоения источниковой базы для изучения темы государственно-церковных отношений на Дону в советский период. По данной тематике существуют только единичные работы, не

дающие исчерпывающего описания событий. Поэтому по-прежнему остается актуальным выявление и научная критика источников в архивах Ростовской области, определение направлений возможных исследований. Обозначить ситуацию, сложившуюся в области государственно-церковных отношений в 1920-1930-х гг. на Дону, познакомить с основным составом и тематикой документации архивов Ростовской области по указанной теме, составляет цель данной работы. Большинство источников, использованных в работе, вводится в научный оборот впервые.

В Ростовской области существуют следующие архивы, в которых выявлены источники для изучения церковно-государственных отношений в советский период: Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), Архив Управления ФСБ по Ростовской области, Центр хранения архивных документов в г. Шахты (ЦХАД), Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. В данной публикации остановимся на обзоре фондов двух из них, ключевых, по нашему мнению, для исследования указанной темы. Это Государственный архив Ростовской области (ГАРО) в г. Ростове-на-Дону и Центр хранения архивных документов (ЦХАД) в г. Шахты. Источники 1920-1930 гг., сосредоточенные в ГАРО, представляют собой документы органов советской власти, прежде всего исполкомов Советов различных уровней Донской области и Северо-Кавказского Края и состоящих при них учреждений. Основные тематические группы документов – это материалы Комиссии по отделению Церкви от государства (1920-1921) и кампании по изъятию церковных ценностей 1922 г. Кроме того, источники характеризуют процессы, связанные с реализацией декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. и с другими постановлениями власти на протяжении 1920-х гг. Организацию, содержание и результаты антирелигиозной работы, процесс закрытия церквей, и совсем малочисленный комплекс документов отражает работу советских органов с каноническими «тихоновско-сергиевскими» общинами, обновленческим и григорианским церковными расколами. В госархиве хранятся также периодические издания 1920-х гг., газеты «Советский Юг», «Коммунист», «Трудовой Дон» и др., широко освещающие кампанию по изъятию церковных ценностей на Дону и в некоторых областях Северного Кавказа, и сопряженную с ней кампанию против Церкви и духовенства, обострившуюся за счет появления в церковной среде конфликта с обновленчеством. Данные материалы по содержанию резко отличаются от негласной политики власти, отраженной в ее документах, и представляют собой компонент агитационной кампании против Церкви.

Документальные материалы ГАРО достаточно полно представляют тематику 1920-х гг., чего нельзя сказать о периоде 1930-х. Документы архивов большинства учреждений за 1930-1943 гг. не успели поступить на хранение в госархив до начала Великой Отечественной войны и были утрачены. Исключение составили фонды учреждений советской власти Таганрогского и Шахтинского округов, вошедших в состав Северо-Кавказского края в 1924 г., которые хранились в архивах в городах Таганрог и Шахты. Поистине уникальными стали источники, выявленные в ЦХАД г. Шахты, основная часть которых относится к 1930 гг. Они характеризуют те явления, о которых мы почти ничего не можем сказать на основе документальных источников других архивов. В частности, тактику и методы ликвидации приходов и разрушения церковного института в период репрессий, использования в этом процессе советского законодательства, обновленческого и григорианского церковных расколов, кроме того, на их основе можно восстановить иерархию Донской и Шахтинской обновленческой епархии и получить сведения об архиереях. Реализация известного декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января (2 февраля) 1918 г.<sup>1</sup> на Дону началась только после окончательного установления здесь советской власти в январе 1920 г. [1]. Бывшая Область Войска Донского была переименована в Донскую область, которая вошла в состав Юго-Востока России и просуществовала до 1924 г. Проводником политики власти в отношении Церкви в этот период являлся Дноблисполком<sup>2</sup>. В его фондах и отложилось значительное число документов по интересующей нас теме, а также в фондах возникших в результате последующих административно-территориальных преобразований краевых исполнительных комитетов: Юго-Востока России (1924), Северо-Кавказского края (1924-1934), Азово-Черноморского края (1934-1937). В связи с положением Ростова-на-Дону как центра Северо-Кавказского края сюда стекалась информация из всех его округов.

### **Отделение церкви от государства в контексте социально-политической ситуации на Дону**

Северо-Кавказский регион отличала одна специфическая черта. Наличие здесь особого социального слоя – казачества – сказывалось на работе органов советской власти очень существенным образом. Казачье население многих округов Дона, как в прочем и Кубани, враждебно относилось к советской власти и актив-

<sup>1</sup>Опубликован 23 января (5 февраля). «СУ РСФСР», 1918, №18, ст. 263.

<sup>2</sup>Донской областной исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

но поддерживало православное духовенство, причем каноническое, а общение с раскольниками-обновленцами было для него неприемлемо. Ситуация осложнялась в связи с экономической политикой советской власти. В 1920 г. проведение продразверстки оказало на население угнетающее воздействие. В Донецком и Верхне-Донецком округе отмечались открыто враждебные по отношению к советской власти выступления [2]. После разорительной продразверстки и в связи с последовавшим голодом, затронувшим многие округа Донобласти, силы крестьян были основательно истощены. Все внимание их было сосредоточено на обеспечении хозяйства посевными материалами и связанными с экономическим бытом проблемами – людям необходимо было просто выживать. Об этом сообщают докладные записки о политической ситуации с мест, из районных центров и волостей [3]. В 1920 г. при отделе Юстиции Доноблисполкома была создана Комиссия для решения межведомственных вопросов по введению декрета «Об отделении церкви от государства» в действие, которая состояла из представителя отдела юстиции, представителя отдела управления Донисполкома и представителя отдела записей актов гражданского состояния [4]. Возглавил ее заместитель заведующего отдела юстиции Карагичев [5]. Комиссия занималась юридическим сопровождением и общим надзором за введением положений декрета в действие. Переписка с церковными советами говорит о спокойном, деловом характере отношений. Решения принимались Комиссией исходя из действующего законодательства. Известны эпизоды, когда ей приходилось даже отстаивать соблюдение законных прав церковных общин перед представителями местной власти. В ответ на жалобу председателя Донского епархиального совета, находящегося в г. Новочеркасске, протоиерея В. Чернявского была вынесена следующая резолюция: «Указать всем окрисполкомам и всем отделам Донисполкома на необходимость строжайшего исполнения всех узаконений Советской власти в отношении церковных учреждений всех исповеданий, отнюдь не принимая самочинных мер, расходящихся с законодательством в сем деле РСФСР и могущих вызвать волнение в среде верующего населения» [6]. В этот период были закрыты, главным образом, домовые церкви и часовни при учебных заведениях, как того требовал декрет [7]. Комиссия заключила договоры со всеми религиозными общинами городов Ростова и Нахичевани-на-Дону – это 21 православная, 2 старообрядческих, 1 римско-католическая, 1 лютеранская, 2 баптистских, 11 еврейских, 1 караимская, 1 мусульманская и 8 армяно-григорианских общин [8]. В связи с чем в докладе заведующего Донским отделом юстиции было сделано заключение: «Таким образом, работу комиссии в городах Ростове и Нахичевани-на-Дону по отделению

церкви от государства можно считать законченной. Остаётся время от времени делать проверки и осмотр сданного в пользование той или иной общине имущества... и всевозможная текущая работа» [9].

Сведений о других округах Комиссия почти не имела. В докладе заведующего отделом юстиции за 1920 г. сообщалось, что в связи с тяжелой политической обстановкой и исходя из «дипломатических» соображений в некоторых округах, например, в 1-м Донецком, исполкомы приняли решение не производить мероприятий по отделению церкви от государства [10]. Конечно, изображенная выше политика Комиссии плохо сочеталась с задачами центральных органов власти, которые переходили к решительному наступлению на церковь. 17 января 1921 г. на заседании коллегии отдела юстиции деятельность Донской областной Комиссии по отделению церкви от государства была жестко раскритикована за «недостаточную решительность и определенность». Возражения вызвали следующие действия этого органа: разрешение, данное духовенству на ведение книг записей крещений, браков, погребений, в чём было усмотрено нарушение принципа «полного размежевания государственного управления от церковной жизни», признание как органа советской власти советов православных общин, заменивших упразднённые епархиальные советы, использование духовенства «как аппарата для внедрения в население сознания важности и безусловной необходимости регистрации актов гражданского состояния». В заключение коллегии было замечено, что «духовенство представляется отмирающей кастой, на которую ни в коем случае опираться органам советской власти не следует». Принято решение упразднить Комиссию, и передать все дела в общий подотдел отдела юстиции [11]. Таким образом, в работе Комиссии Донской области по отделению церкви от государства наблюдалось стремление к последовательной реализации соответствующего декрета. Комиссия не ощущала себя репрессивным органом, она видела свою задачу скорее в соблюдении юридических деталей всех связанных с декретом процедур. Церковным учреждениям предоставлялась относительная свобода. Однако власти идут на серьезное обострение отношений с верующим населением, что происходит в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей 1922 г.

#### **Кампания по изъятию церковных ценностей и религиозность населения**

Кампания по изъятию церковных ценностей была воспринята населением Дона отрицательно, часто пассивно. О реакции рабочих в отчете совета профсоюзов Донской области сообщается следующее: «В этом случае они еще настроены очень религиозно» [12]. И власть предпринимала все меры, чтобы эту религиозность сломить. Методом служило широкое вовлечение всех слоев населения в ан-

тирелигиозные кампании. Такой смысл имела и кампания по изъятию церковных ценностей. Привлеченные к изъятию рабочие первоначально с ужасом входили в храм и приступали к работе [13]. Так проявлялась сакральная значимость для них религиозных предметов. Качество религиозности населения было самым разным: человек мог не ходить в церковь, но такие понятия как «святыня», «святость» продолжали обладать для него существенным значением, он продолжал испытывать перед ними священный трепет. Необходимо было трансформировать стандарты народного восприятия религии, через профанацию ее ценностей и идей – духовенства, храмов, святынь и т.д. С этим связан такой уродливый и примитивный язык советской антирелигиозной пропаганды: «Церковь отделить от религии и отдать её под ссыпку... Церковь засыпать зерном» [14], – вот типичный образец постановлений собраний колхозников. Из всего должна быть извлечена материальная польза, все должно быть поставлено на рациональную основу. Постепенно своеобразная «инженерия духовности» советов стала приносить свои плоды. Власти превратили рабочих в агитаторов против духовенства, а кампания стала настоящим ограблением храмов, когда рабочие буквально «выкорчевывали» драгоценности из иконных риз (работа шла без специалиста-ювелира), которые вместе с другой утварью утрамбовывали в мешки пудовыми гирями с энтузиазмом, растущим по мере увеличения ценностей, как по количеству, так и по качеству. Работали по 15 часов в сутки [15]. Власти остались удовлетворены проведенной работой, кампания прошла относительно спокойно, добыча была выдающейся. О количестве изъятых ценностей в ГАРО имеются данные не только по Донобласти, но и по Ставропольской губернии, Пятигорскому уезду, г. Краснодару, Карачаево-Черкесской автономной области [16]. Наиболее полные данные, известные на сегодняшний день, об изъятых ценностях в Донской области содержатся в телеграмме в Настасьинский Гохран, подписанной заместителем председателя крайэкономсовета Хрониным и уполномоченным наркомата финансов Кальниным. Это сведения о тех ценностях, которые были упакованы и отправлены в Москву по 13 июня включительно: серебра 502 пуда 8 фунтов 26 золотников 41 доля, золота 13 фунтов 10 золотников 8 фунтов, золотой крест с примесью серебра украшенный 519 бриллиантами 2 фунта 46 золотников 84 доли, золота в изделиях совместно с драгоценными камнями 15 фунтов 17 золотников 32 доли, ризы с драгоценными камнями 1 пуд 37 фунтов 49 золотников 88 долей, золотые изделия с примесью серебра 18 золотников 30 долей, серебряные изделия с драгоценными камнями 26 фунтов 92 золотника 2 доли, металлические изделия с драгоценными камнями 4 золотника, 6 долей, жемчуга рассыпного 1 фунт 64 зо-

лотника 59 долей, золотые изделия в серебряной оправе 27 долей, серебро позолоченное 49 золотников, 48 долей, 3 нитки кораллов 24 золотника 10 долей, драгоценные камни: алмазов 5990, бриллиантов 1957, рубинов 4338, сапфиров 631, изумрудов 2545, аметистов 112, жемчуга 1121, бирюза 1253, сердолики 14, алмантинов 4, топазов 42, розочек 233, гранат 10, опалов 10, собрание любви 1, хризолитов 56, золотых топазов 11 [17].

Кампания спровоцировала углубление раскола среди духовенства [18]. Она поставила вопрос: сопротивляться или не сопротивляться изъятию ценностей из храмов. Обновленческое духовенство, свидетельствуя свою полную лояльность советской власти, открыто поддержало изъятие как полностью законное и не противоречащее церковным канонам. Другая часть духовенства и верующих пошло по пути сопротивления, попросту укрывая ценности от комиссий. Начались процессы по делам краж церковного имущества над духовенством и мирянами, превратившиеся в хорошо организованную и достаточно эффективную антирелигиозную пропаганду. Кампания по изъятию церковных ценностей дала для нее хорошую базу и была, по сути, хорошо спланированной провокацией. Громкие показательные процессы состоялись в следующих районах: два – в г. Новочеркасске, один – в г. Ростове-на-Дону и один – в Морозовском округе [19]. Несмотря на все старания властей, по данным отчета Донской прокуратуры за 1925 г., численность верующих и канонического, и обновленческого толка увеличивалась, благосостояние общин и влияние канонического духовенства росло [20].

### **Церковные расколы в руках советской власти**

Обновленческий раскол был продуктом советской политики в церковном вопросе. В докладе руководителя 6 отделения СО ОГПУ Е.А. Тучкова совершенно ясно говорится о том, что группа обновленческого духовенства была образована для того, чтобы «поссорить» белое и черное духовенство, «окончательно разгромить тихоновский и полутихоновский епископат и лишить его управления церковью... Не дурно было бы изгнать тихоновцев из приходских советов, начав эту работу примерно также, т.е. натравляя одну часть верующих на другую» [21]. В 1923 г. после обновленческого поместного собора в г. Москве все церкви городов Ростова и Нахичевани-на-Дону оказались под юрисдикцией Священного Синода. Город Ростов-на-Дону стал центром Северо-Кавказской митрополии синодальных церквей. Особо остро конфликт между обновленцами и тихоновцами разгорелся в 1924 г. Его центрами были Новочеркасск, Азов, Ейск, а также Ростов-на-Дону [22]. Летом 1925 г. Ростов посещает с лекциями видный идеолог обновлен-

чества профессор Б.В. Титлинов. Но несмотря на это, в октябре 1925 г. Ростовский епархиальный съезд духовенства почти единогласно принял решение отойти от обновленческого Синода и принять каноническое управление [23]. Однако это не ликвидировало обновленчества, в его юрисдикции оставались многие общины, и они численно росли. В 1930-х гг. еще одним центром обновленчества становится г. Шахты, где находилось епархиальное управление Донской и Шахтинской обновленческой епархии [24]. С 1934 по 1937 гг. Шахтинский обновленческий архиепископ Сергей Болгаров, являлся также и временно управляющим обновленческой Ростовской-на-Дону епархии [25]. События, о которых мы имеем сведения благодаря документальным источникам Шахтинского округа, вскрывают методы и цели политики государственной власти в отношении церкви в 1930-х гг., ее стремление к созданию конфликтных ситуаций, углублению разделения верующих различных течений. Все это служило средством снижения авторитета церкви, ослабления ее дроблением на постоянно конфликтующие группировки, вынужденные существовать даже в условиях одного прихода. Такие ситуации неизбежно возникали, когда в уже действующий приход представителями церковного управления того или иного раскола направлялся проповедник, создающий новую группу верующих, которую затем немедленно регистрировали органы государственной власти. Так, на одном приходе вели законную деятельность общины различных юрисдикций, между ними по договору, составленному местным советом, распределялось имущество храма. Такая ситуация была типичной для Шахтинского округа. Если местный сельсовет препятствовал деятельности раскольников по организации новой общины на каком-либо приходе, Шахтинский РИК<sup>3</sup> тут же разъяснял, что это не верно и препятствовать им не следует. Власть умело манипулировала зависимым положением общин, распределяя храмы и даже их части между различными юрисдикциями, охотно поддерживая раскольнические группировки<sup>4</sup>.

#### **Власть, население, духовенство и перевыборы в Советы 1925-1926 гг.**

В середине 1920-х гг. авторитет духовенства, а особенно монашества канонической ориентации у казаков-крестьян был очень значительным. В связи с тем, что регистрация «тихоновских» общин почти не допускалась, они ушли в подполье. Такое положение, борьба с обновленчеством, которая осуществлялась главным образом через проповедь переходящих из села в село монахов, укрепляли

<sup>3</sup>Районный исполнительный комитет.

<sup>4</sup>См.: Бирюкова Ю.А. Советское государство и приходы Донской епархии в 20-х – 30-х годах XX в. (по документам Шахтинского административного округа) // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков-архивистов. №5. 2009 г.



авторитет «тихоновцев» как страдающих за веру и усиливало недовольство советской властью [26]. Представители РКП(б) в начале 1920-х гг. не пользовались особым авторитетом у населения. По некоторым данным только 32,4% членов волисполкомов были партийными [27]. По результатам перевыборов в советы в феврале 1921 г. членов партии было избрано только 17 %, из 1702 членов советов 1240 чел. были беспартийными и даже не сочувствующими партии [28]. В марте 1921 г. в советы было выбрано партийных всего 8,7%. 4263 чел. были беспартийными и даже не сочувствовали партии [29]. Не желая мириться с такими обстоятельствами, Донком РКП(б) стремится взять все в свои руки. Составлены списки товарищей, которые «обязательно должны быть проведены в горсовет от РКП», причем, их необходимо было «проводить по избирательным единицам, не допуская списков общерайонных». Задача ставилась определенная: «Ввести в горсовет 70% коммунистов и 30% беспартийных, включая комсомольцев» [30]. Однако перевыборы в советы 1925-1926 гг. принесли для власти весьма неприятный результат. Представители церковных советов и верующие, главным образом из казаков, принадлежащие, как говорится в тексте документа «исключительно тихоновской ныне сергиевской ориентации», единодушно заблокировали все списки кандидатур от фракций ВКП(б). В результате в ряде мест в советы были избраны даже члены православных приходских советов, на которых возлагались надежды, что они «смогут по-настоящему защищать интересы церкви». И действительно, власти отмечали их значительное влияние на работу советского аппарата. Данная ситуация была типична для Северного Кавказа, особенно Ставропольского и ряда других округов [31]. Докладная записка начальника СО ОГПУ «О состоянии духовенства на Северо-Кавказском крае на 15 октября 1926 г.» сообщает о ряде характерных случаев [32]. Во время выборов раздавался возглас: «Голосуй, ребята, это наш!» И данный человек избирался в совет. Участниками выборов выдвигались также лозунги: «Советы без коммунистов», «Объединение для защиты прав церкви и казачества». Активность проявляли в основном зажиточные крестьяне из казаков, бедняки являли безразличие и разобщённость. Последние, конечно, и были идеологически выгодны для партии. Для утверждения своих позиций она должна была уничтожить все эти социальные группы – духовенство, казачество, зажиточное крестьянство, взять всех и самих своих членов в «ежовые рукавицы».

### **Обновленческие, григорианские и канонические общины на Северном Кавказе в 1927-1928 гг.**

Совершенно малочисленны документы, характеризующие обновленческий и григорианский расколы на Дону, но они весьма интересны. Данные о соотноше-

нии канонических, григорианских и синодальных общин на 15-е октября 1926 г. по Северо-Кавказскому краю можно представить следующим образом [33]

**Соотношение канонических, синодальных и григорианских общин  
на Северном Кавказе на 15 октября 1926 года**

	Тихоновцы	Синодалы	ВВЦС
Митрополий	–	1	–
Епархий	3	8	2
Церквей	545	960	219
Церковных советов	545	951	219
Духовенства	7633	2159	330
Монастырей	23	1	1
Монахов в монастырях	750	30	80
Монахов «бродячих»	972	146	–

Обратим внимание на интересные данные: храмов у канонических общин было почти в 2 раза меньше, однако духовенства в 3,5 раза больше, чем у обновленцев. Григорианский раскол (ВВЦС) имел наименьшую популярность. Значит, несмотря на всю поддержку власти, передачу храмов раскольникам, на Северном Кавказе они были в качественном отношении слабее, опирались в основном на административный ресурс власти, а их главным преимуществом было легальное существование [34]. Постановлением ВЦИК от 21 августа 1924 г. о равномерном распределении зданий культов среди верующих канонического и обновленческого направлений спровоцировало борьбу за приходы между ориентациями и как следствие череду острых конфликтов. Цели данного постановления выражены в записке представителя Северо-Кавказского крайисполкома во ВЦИКе Ф.М. Зявкина: «Товарищи Смидович и Полуян высказывались определённо: если религиозные течения имеются, то чем больше вер, чем больше между ними трений и споров, тем лучше... нет надобности ослаблять старотолковцев путём изъятия от них церкви в пользу обновленцев, тем более, что изъятие церкви неизбежно вызывает организацию новых молитвенных домов в частных домах, куда пускать их совсем не следует» [35]. Документы за 1927-1928 гг. отражают процесс перераспределения приходов между общинами разных толков в Донском, Кубанском, Армавирском, Сальском, Терском и др. округах Северо-Кавказского края. Как канонические, так и обновленческие общины обращались с ходатайствами в местные исполкомы о передаче им того или иного храма. Окончательное решение принимал крайисполком. По каждому случаю возник комплекс документов: 1) докладная записка административного управления Северо-Кавказского крайис-

полкома в Президиум КИКа<sup>5</sup> с ходатайством об утверждении им того или иного решения по передаче храма, в котором указывались основания такого решения; 2) заключение юрисконсульта крайисполкома; 3) проект постановления Президиума КИКа на основании заключения юрисконсульта; 4) материалы, предоставленные окружными исполкомами. Последние содержали информацию для обоснования решения: о количестве храмов в населенном пункте, их величине, принадлежности тому или иному течению, количестве верующих обновленческого и канонического толка.

Подобные сведения имеются о городах Краснодаре, Ростове и Нахичевани-на-Дону, Грозном, Азове и ряде населенных пунктов. Согласно этим данным обновленцы значительно превосходили по численности канонические общины. Например, в селе Воронцово-Николаевском Сальского района обновленцев было более 3 тыс. чел., численность верующих канонической общины характеризовалась как столь незначительное, что она фактически распадалась [36]. В ст. Архангельской Кубанского округа соответственно 4,5 тыс. и 300 чел. [37], в ст. Тихорецкой того же округа – 6 тыс. и 651 чел [38]. Однако, по замечанию юрисконсульта Крайисполкома, некоторые из предоставленных окружными исполкомами данных, не обоснованы и неточны [39]. В отдельных случаях, окружные исполкомы ссылались на списки общин, и тогда данные были совсем иные. Так, в х. Сухой Армавирского округа обновленческая община, которая распоряжается храмом, насчитывает 65 чел., община «староцерковная» – 87 чел., при этом власти не находят оснований передать храм канонической общине [40]. Тем не менее, подавляющее большинство приходов принадлежало обновленцам, канонические общины имели только молитвенные дома. Из 52 храмов, находящихся в 23 населенных пунктах, о которых автор располагает точными данными, у общин «староцерковной» ориентации было только 7 храмов.

В крупных городах были храмы, принадлежащие «тихоновцам». Согласно имеющимся данным, например, в г. Краснодаре в 1928 г. у обновленцев было 12 храмов, у канонических общин 2 храма и 2 молитвенных дома. Президиум ВЦИК по просьбе верующих предложил крайисполкому предоставить Крестовоздвиженскую церковь «тихоновской» ориентации. Однако заключение юрисконсульта крайисполкома выражает опасение, что если этот храм, который насчитывает 4,5 тыс. прихожан и является «оплотом обновленческого течения на Кубани» будет изъят, то это решение вызовет церковную смуту [41]. В г. Нахичевани-на-Дону один из храмов был передан общине обновленцев численностью 71

---

<sup>5</sup> Краевой исполнительный комитет.

чел., и данная община была названа властями многочисленной [42]. Очевидно, что власти, поддерживали обновленческий раскол. Чаще всего они находились на стороне обновленцев, вынося решения в их пользу, отказывая каноническим общинам в предоставлении храма на основании их малочисленности и отсутствия причин расторжения договоров с обновленцами, при этом во множестве находились формальные поводы для расторжения договора с самими каноническими общинами. Сдерживал передачу всех храмов обновленцам юрисконсульт крайисполкома, указывая на то, что это противоречит постановлению ВЦИК о равномерном распределении приходов [43]. Властям, конечно, не нужна была обновленческая церковь, им необходимо было создавать конфликтные ситуации, ослабляющие церковь изнутри.

### **Советское законодательство и положение православных общин**

Нелегальное положение церкви после получения долгожданной регистрации центрального и епархиального управления в 1927 г. сменилось законодательным давлением. Особым рубежом в жизни общин стал 1929 г. Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» (с соответствующими инструкциями и разъяснениями ВЦИКа и НКВД №329 от 1.10.1929, 20.06.1930, 16.01.1931 г.г.)<sup>6</sup>, создало широкие возможности для сведения жизни общин на нет, и ликвидации приходов. Общины оказались в условиях выживания. Постановление обеспечило возможность так сказать «законного» закрытия приходов. Необходимо было произвести перерегистрацию общин в соответствии с установленной процедурой. Документы Шахтинского округа дают представление об этом периоде<sup>7</sup>. Условия имущественных договоров, обязательной регистрации священнослужителей стали средством способным парализовать жизнь прихода. Власти формируют комиссии по проверке церковного имущества, которые навязывают общинам срочные дорогостоящие ремонты храмов. Все предписания данных комиссий зачастую выполнить было просто невозможно. Если же ремонт удавалось произвести, его предписывали вновь. Другие общины испытывали трудности с регистрацией священнослужителей. Верующим приходилось либо отчаянно бороться за храм, либо оставлять его.

На протяжении 1930-х гг. происходит массовое закрытие приходов. Работа велась с каждым из них в отдельности. Очевидно, что власти стремились закрыть их максимальное число любой ценой. Основанием служили отсутствие ремонта,

<sup>6</sup>«СУ РСФСР», 1929, №35, ст.353.

<sup>7</sup>См.: Бирюкова Ю.А. Советское государство и приходы Донской епархии в 20-х – 30-х годах XX в. (по документам Шахтинского административного округа) // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков-архивистов. №5. 2009 г.

ветхость помещения, отсутствие верующих или даже их желание закрыть храм, хотя это, как правило, не соответствовало действительности. Отношение к соблюдению законности со стороны местных властей было чисто формальным, использовался и подлог документов. По политическим обвинениям разворачиваются самые широкие репрессии духовенства всех течений, без различия. Таким образом, радикальное мировоззренческое расхождение между государством и церковью не могло остаться на уровне философских рассуждений и дискуссий. Утвердившаяся в России власть пришла к осознанию необходимости уничтожения церкви как оппозиционного института. И советская политика выработала комплекс мероприятий, направленных против нее. В советском государстве не было осуществлено последовательного проведения закона «Об отделении церкви от государства», как не было никогда свободы совести. Церковь устранялась не только из политической жизни, но и из жизни страны вообще. Однако государство не устранялось от вмешательства во внутреннюю жизнь церкви. В действиях власти окончательно взяло верх с 1922 г. стремление любым путем подавить религию. Делая вид, что исполняет закон, советская власть методично уничтожала православную церковь, что вполне продемонстрировал наш очерк событий 1920-1930-х гг. на Дону.

#### Литература

- 1.ГАРО. Ф.Р-97.Оп.1.Д.487.Л.309.
- 2.ГАРО. Ф.Р-97. Оп.1. Д.707. Л.31.
- 3.ГАРО.Ф.Р-97.Оп.1.Д.654.Лл.61, 102, 162 и др.
- 4.ГАРО.Ф.Р-97. Оп.1.Д.487.Л.248; Ф. Р-1220.Оп.1.Д.6.Л.147.
- 5.ГАРО.Ф.Р-97. Оп.1.Д.487. Л.248.
- 6.ГАРО.Ф.Р-97.Оп.1.Д.229.Л.12.
- 7.ГАРО.Ф.Р-3758.Оп.1.Д.1. Л.34.
- 8.ГАРО.Ф.Р-1220.Оп.1.Д.36.Л.17.
- 9.Там же. Л.18.
- 10.Там же. Лл.18об, 24.
- 11.ГАРО. Ф. Р-3758. Оп.1.Д.109. Л.13.
- 12.ГАРО. Ф.Р-3713.Оп.1.Д.269.Л.3.
- 13.ГАРО. Ф.Р-97.Оп.1.Д.27.Л.49.
- 14.ЦХАД.Ф.Р-33.Оп.2.Д.61.Л.12.
- 15.ГАРО. Ф.Р-1798.Оп.3.Д.42.Л.304, 307об.

- 16.ГАРО. Ф.Р-3758. Оп.3.Д.32.
- 17.Там же. Л.12.
- 18.ЦДНИРО.Ф.4.Оп.1.Д.116.Л.10об.
- 19.ГАРО Ф.Р-97.Оп.1.Д.27.Лл.48-49об.
- 20.ГАРО. Ф.Р-1798. Оп.3.Д.42. Л.512.
- 21.Архивы Кремля. Политбюро и церковь. Новосибирск – М., 1997. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 331-332.
- 22.ГАРО.Ф.Р-1798.Оп.3.Д.42.
- 23.ГАРО.Ф.Р-1485.Оп.8.Д.17.Л.467.
- 24.ЦХАД. Ф.Р-33. Оп.2. Д.6. Л.136.
- 25.Вероятно, митрополии. ЦХАД. Ф.Р-33. Оп.11.Д.65.Л.12; Оп.2. Д.12. Л.41; Списки иерархов Русской Православной Церкви от её основания по настоящее время по кафедрам. – М.: ПСТГУ, 2006. С. 413, 779.
- 26.ГАРО. Ф.Р-1484. Оп.8. Д.59. Л. 2.
- 27.ГАРО.Ф.Р-97.Оп.1.Д.654.Л.168-168об.
- 28.Там же.Л.61.
- 29.Там же.Л.70.
- 30.ГАРО Ф.Р-97.Оп.1.Д.263.Л.159.
- 31.ГАРО. Ф.Р-1484. Оп.8. Д.59. Л.3.
- 32.Там же. Лл. 1-9.
- 33.Там же. Л.9.
- 34.Там же.Л.6.
- 35.ГАРО.Ф.Р-1485.Оп. 8.Д.86.Л.510.
- 36.ГАРО. Ф.Р-1485. Оп.8. Д.76, Л. 393.
- 37.Там же. Л. 32.
- 38.Там же. Л. 41.
- 39.Там же. Лл. 56, 93об.
- 40.ГАРО. Ф.Р-1485. оп.8. Д. 17. Л. 460.
- 41.Там же. Лл. 396, 399.
- 42.Там же. Л. 138.
- 43.Там же. Лл. 93об, 391.